

Морок: Стужа

Клепиков Василий Сергеевич

18+

Морок

Клепиков Василий

Морок: Стужа

«Автор»

2026

Василий К. С.

Морок: Стужа / К. С. Василий — «Автор», 2026 — (Морок)

Зима пришла раньше срока. В лесах просыпаются древние сущности, а в городе исчезают люди — их забирают ледяницы, голодные духи замёрзших озёр. Алексей Северов получает письмо от Веданы: она нашла место, где можно закрыть путь в Морок, оставленный открытым после прошлой войны. Но цена будет выше, чем любая из прежних. Ева, чья метка становится ключом к двери, ещё не знает, что этот поход на север станет последним для её наставника. Морозко, Карачун, Морена — боги и стражи зимы испытывают путников, требуя плату. И когда дверь открывается, кто-то должен войти в лёд навсегда. Третья книга цикла о проводнике Алексее Северове. Мрачный нуар, хоррор и славянская мифология в финале трилогии.

© Василий К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Сны о зиме	5
Глава 1. Северный ветер	7
Глава 2. Ледяницы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Клепиков Василий

Морок: Стужа

Пролог. Сны о зиме

Ей снился лёд.

Он был везде — на стёклах, на проводах, на лицах людей, застывших в странных позах. Город, который она знала с детства, превратился в зеркало: каждый дом отражал небо, серое, низкое, тяжёлое, и в этом небе кружили белые птицы, слишком большие для обычных птиц.

Ева шла по улице, и под ногами хрустел снег, которого не было. Она знала, что это сон. Но холод она чувствовала настоящий. Он пробирался под одежду, сковывал пальцы, заставлял сердце биться реже.

— Ты пришла, — сказал голос. Женский, далёкий, как шум ветра в печной трубе.

Ева обернулась. На перекрёстке, там, где когда-то стоял старый фонарь, теперь была она. Женщина в белом, с длинными светлыми волосами и глазами, которые ничего не отражали. Они были как два куска льда, в которых застыло время.

— Твоя метка ждала этого холода, — сказала женщина. — Она помнит. Она была здесь, когда мир замерзал в первый раз.

— Кто ты? — спросила Ева. Голос не дрожал. Она научилась не бояться во сне.

— Я та, что была до. Я та, что будет после. А ты — та, что стоит между.

Женщина шагнула вперёд, и под её ногами вместо снега появился лёд. Чистый, прозрачный, и в его глубине, на самом дне, Ева увидела лица. Много лиц. Они смотрели на неё, открывали рты, но звука не было.

— Они ждут, — сказала женщина. — Они всегда ждут. Когда стужа придёт, они выйдут. И ты выйдешь с ними.

— Я не хочу.

— Ты уже выбрала. Когда взяла перо. Когда отпустила ненависть. Теперь ты пуста, и холод заполнит тебя.

Ева хотела сказать, что она не пуста. Что в ней есть свет. Но когда она открыла рот, из него вырвался пар. Белый, густой, он поднимался к небу, и птицы в вышине кричали, приветствуя его.

Женщина улыбнулась. В её улыбке не было тепла.

— Скоро, — сказала она. — Иди. Я жду.

Ева проснулась от холода.

Она лежала в своей комнате, под двумя одеялами, и всё равно дрожала. На окне, на стекле, расцветал иней. Белый, пушистый, он складывался в узоры, и в этих узорах она видела те же лица. Те же глаза.

Она села, обхватила колени руками. На тумбочке лежало перо Гамаюн. Оно не светилось, но было тёплым. Ева взяла его, и холод отступил. На секунду.

За окном занимался рассвет. Серый, промозглый, как всегда. Но сегодня в этом серебре было что-то новое. Что-то, что она уже видела во сне.

Ева подошла к окну, коснулась инея пальцем. Лёд таял, превращаясь в воду, и вода стекала по стеклу, оставляя дорожки, похожие на слёзы.

— Скоро, — прошептала она. — Я видела её лицо. Оно было таким же, как у тех, кто ждёт на дне льда.

За её спиной, на стене, на секунду мелькнула тень. Белая, огромная, с крыльями, как у той птицы из сна.

Но когда Ева обернулась, там было пусто.

Глава 1. Северный ветер

Письмо пришло через три дня.

Я сидел в отделе, разбирал очередное дело — пропавший студент, нашёлся пьяным в канаве, — когда дежурный протянул мне конверт. Бумага плотная, старая, с сургучной печатью, которую я не видел много лет.

— Вам, Алексей Игоревич. Без обратного адреса.

Я взял конверт, взвесил на ладони. Лёгкий, почти невесомый, но от него тянуло холодом. Буквально — пальцы занули, как на морозе.

Я вскрыл печать.

Внутри был листок, исписанный ровным, знакомым почерком. Я читал, и с каждым словом в комнате становилось холоднее.

«Северов, я нашла. То, что искала. Место, где можно закрыть путь, который мы оставили открытым. Но я не могу сделать это одна. Нужен проводник. Нужна та, кто носит метку. Нужна та, кто помнит старые дороги. Приезжай. Времени мало. Зима начинается раньше, чем мы думали. Дорога опасна. В лесах проснулось то, что спало. Не доверяйте льду. Ведана».

Я перечитал письмо дважды, потом положил на стол. Дежурный, заметив моё лицо, спросил, не случилось ли чего. Я отмахнулся.

В окне, в тусклом стекле, отражалось моё лицо. Усталое, с небритыми щеками и серыми глазами. Но в этом отражении было что-то не так. Глаза... глаза казались чужими, как будто кто-то смотрел из-за них. Я моргнул — видение исчезло.

— В её письме было что-то ещё, — сказал я сам себе. — То, что она не дописала.

Выйдя из отдела, я достал телефон, набрал номер Евы. Она ответила после первого гудка.

— Ты тоже получил? — спросила она.

— Письмо?

— Сон. — Её голос был спокойным, но в нём чувствовалось напряжение. — Я видела её. Женщину во льду. Она сказала, что я должна прийти.

— Это был сон.

— Ты так думаешь? — Она помолчала. — Я проснулась, а на окне был иней. В сентябре. И знаешь, что самое страшное? Она улыбалась. Те, кто ждёт на дне льда, никогда не улыбаются.

Я не нашёлся, что ответить.

Кикимора появилась в тот же вечер.

Я сидел на кухне, пил кофе, смотрел на письмо, разложенное на столе. Она влезла в окно, как всегда, бесшумно, и уселась на подоконник, свесив ноги.

— Ты получил, — сказала она. Не спросила — утвердила.

— Откуда знаешь?

— Чувствую. — Она кивнула на письмо. — Это от неё. От той, что ищет.

— Веданы.

— Да. — Кикимора прыгнула с подоконника, подошла к столу, посмотрела на конверт. — Она нашла. Я знала, что найдёт.

— Ты знала об этом месте?

— Я знала, что оно есть. — Она помолчала. — Я там была. Когда-то. Когда меня звали иначе.

— И что там?

Она не ответила. Её глаза, обычно насмешливые, стали серьёзными.

— Там холод, — сказала она наконец. — Такой холод, что замерзают мысли. Там спят те, кто не должен просыпаться. И если они проснутся, зима не кончится никогда.

— И мы должны туда идти.

— Мы? — Кикимора ухмыльнулась, но ухмылка вышла невесёлой. — Ты идёшь. Девочка идёт. А я... я подумаю.

— Ты сказала, что должна там закончить разговор.

Она посмотрела на меня долгим взглядом.

— Я сказала. И я закончу. Но не ради тебя.

Она вышла в окно так же бесшумно, как вошла.

Я собрался за два дня. Ева пришла ко мне на рассвете, с рюкзаком за плечами и пером Гамаюн в руке. Она выросла за последние месяцы, стала выше, и в её глазах появилась та же твёрдость, что я видел у Веданы когда-то.

— Я готова, — сказала она.

— Это опасно.

— Я знаю.

— Ты можешь остаться.

— Могу. — Она посмотрела на меня. — Но я не хочу. Это моя метка, мой сон, моя зима. Я должна её встретить.

Я не стал спорить. Мы сели в машину и поехали.

Дорога на север была пустой. Город остался за спиной, и теперь только лес, серый, хмурый, тянулся по обе стороны. Небо было низким, тяжёлым, и в нём, на западе, клубились тучи.

— Она там, — сказала Ева, глядя в окно.

— Кто?

— Женщина из сна. Она ждёт.

Я промолчал. В зеркале заднего вида, в отражении Евы, я видел небо. Серое, низкое, тяжёлое. И в нём, на секунду, мне показалось, я вижу крыло. Белое, огромное, оно пронеслось над лесом и исчезло.

— Ты видел? — спросила Ева.

— Да.

— Она следит за нами.

— Гамаюн?

— Нет. — Ева покачала головой. — Другая. Та, что была до.

Я нажал на газ. Впереди, за лесом, начинался север. И зима, которая пришла раньше срока.

Глава 2. Ледяницы

К вечеру второго дня дорога привела нас к деревне. Она лежала в низине, у замерзшего озера, и казалась вымершей. Ни огня, ни дыма, ни лая собак. Только ветер гулял по пустым улицам, гоня сухие листья, и где-то скрипела калитка, открытая настежь.

— Здесь кто-то живёт? — спросила Ева.

— Должны, — ответил я. — По карте это единственное жильё на сто километров.

Кикимора, сидевшая у меня на плече, молчала. Она напряглась, уши прижала, и я чувствовал, как её когти впиваются в куртку.

— Что? — спросил я.

— Она здесь, — прошептала Кикимора. — Та, что спит во льду.

— Морена?

— Не она. Её слуги. Те, кто ждёт.

Я остановил машину у крайнего дома. Дверь была заперта, но изнутри, из-за досок, пробивался тусклый свет. Я постучал. Долго никто не открывал. Потом щеколда лязгнула, и на пороге появилась старуха. Высокая, худая, с лицом, изрезанным морщинами, и глазами, которые смотрели сквозь тебя, а не на тебя.

— Вам чего? — спросила она. Голос был сухой, как шелест бумаги.

— Проездом, — сказал я. — Можем переночевать?

— Можете. — Она посторонилась. — Но только ночь. На рассвете уезжайте.

— Почему?

— Потому что они выходят по ночам. — Она посмотрела на Еву, на её лицо, на перо в руке. — Ты та, кого они ждут?

— Нет, — сказала Ева. — Я та, кто ищет.

Старуха усмехнулась. В её усмешке не было тепла.

— Одно и то же. Проходите.

В доме было чисто, но холодно. Печь не топили, окна занавешены плотной тканью. Старуха поставила на стол хлеб и чай.

— Рассказывай, — сказал я, когда мы сели. — Кто они?

— Ледяницы, — ответила она. — Белые женщины. Они живут подо льдом, в озере. Раньше они спали, но месяц назад проснулись. Сначала пропал старый рыбак. Пошёл проверять сети, не вернулся. Потом его сын. Потом ещё двое.

— И никто не искал?

— Искали. Те, кто искал, тоже не вернулись. — Она помолчала. — Они выходят по ночам. Стучат в окна, зовут по имени. Если откроешь — уведут под лёд.

— И что им нужно?

— Мстят. — Старуха посмотрела на Еву. — Много лет назад здесь жила девушка. Красивая, добрая. Её утопили. Говорят, за то, что не отдала долг. Говорят, за то, что не хотела. Правды никто не знает. Но она утонула, а после неё начала пропадать рыба, мёрзнуть хлеба, а потом пришли они.

— Вы знали её?

— Знала. — Старуха опустила глаза. — Я была девчонкой. Мы вместе бегали на озеро. Она умела плавать лучше всех. А я не умела. Поэтому я осталась. А она... она не вернулась.

В комнате стало тихо. За окном завывал ветер.

— Где это случилось? — спросил я.

— В заливе, за старым причалом. Там, где вода не замерзает до самого января. Сейчас она уже покрылась льдом. Но подо льдом она всё ещё течёт.

— Мы пойдём туда, — сказала Ева.

— Не ходите, — покачала головой старуха. — Они ждут. Они всегда ждут.

— Мы пойдём, — повторила Ева.

Ночь была тёмной, безлунной. Озеро лежало перед нами, чёрное, гладкое, и только у причала, где когда-то стояли лодки, лёд был тонким, молочным, с прожилками, похожими на вены.

— Она там, — сказала Кикимора. — Я чувствую.

— Что мы должны сделать? — спросил я.

— Увидеть. Понять. И уйти. Или остаться.

Мы пошли по льду. Он трещал, прогибался, но держал. Ева шла впереди, сжимая перо. В его свете лёд казался прозрачным, и под ним, в глубине, я видел тени. Они двигались, кружили, и в их движении было что-то древнее, голодное.

— Они здесь, — прошептала Ева. — Они смотрят на нас.

— Не смотри на них, — сказал я.

— Я должна.

Первая трещина появилась слева. Из неё, как из раны, хлынула вода, и из воды поднялась рука. Белая, длинная, с пальцами, похожими на сосульки. Она рванулась к Еве, но я успел оттолкнуть её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.